О СЛОВАРНОЙ СТАТЬЕ «ДЕРЕВЯННЫЙ – ДЪРВЕН» В РУССКО-БОЛГАРСКОМ СЛОВАРЕ АССОЦИАТИВНОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ*

Сопоставительная лингвистика может иметь в качестве объекта исследования единицы любых уровней анализа языка. Различные аспекты языка (ср. выделенные Л.В. Щербой три аспекта – речевая деятельность, языковая система, языковой материал (тексты) [Щерба 1931: 18–19]) также являются объектом сопоставительного изучения. Язык-способность – другой, наряду с указанными, аспект языка. Исследовательские поиски Ю.Н. Караулова[1] привели его к выделению промежуточного звена в способах репрезентации языка. Между языком-совокупностью (суммой текстов) и языком-системой находится, по его мнению, язык-способность, воплощая язык в его предречевой готовности, соединенный с его носителем [Караулов 1994: 16].

В качестве языка-способности выступает ассоциативно-вербальная сеть[2] носителя языка. В нашем исследовании объектом сопоставительного анализа являются фрагменты ассоциативно-вербальной сети носителя русского языка и фрагменты ассоциативно-вербальной сети носителя болгарского языка, восстановленные на материале ассоциативных экспериментов.

В рамках психолингвистики в последнее время появилось немало работ, выполненных в сопоставительном плане. На материале ассоциативных экспериментов были проведены межъязыковые сопоставления, преследующие разные цели.

Так, А.А. Залевская в работе [Залевская 1979] стремится к выявлению универсальных тенденций и установлению обусловленных факторами языка и культуры различий в речевом поведении носителей исследуемых языков; сопоставляет экспериментальные данные

---

* Опубликовано в: Научно-тематичен сборник с доклади от Юбилейна научна сесия „120 години от Априлското въстание“, 22–23 май 1996, Долна Митрополия. Т. 1–3. Долна Митрополия: ВВВУ „Г. Бенковски“, 1996. С. 444–454.

1 См. [Караулов 1987], [Караулов 1993] и другие работы этого автора.

2 В [Караулов 1993: 255] ассоциативно-вербальная сеть определяется как «способ держания языка человеком».

для определения уровня стереотипности реакций испытуемых, эквивалентность самых частых реакций разных групп испытуемых, соотношение парадигматических и синтагматических реакций носителей разных языков и т.д. В другой своей работе [Залевская 1980] автор описывает разработанную им конкретную методику межъязыкового сопоставительного анализа и аргументирует на базе результатов межъязыкового сопоставления свою гипотезу об универсальных принципах организации лексикона человека.

В работах Т. Слама-Казаку (см., например, [Слама-Казаку 1984]) преследуются лингводидактические цели. Автором выводится корпус языковых фактов, наблюдаемых в процессе овладения иностранным языком, корпус ошибок, строится иерархическая система ошибок, анализируются источники и причины появления ошибок.

А.И. Титова исследует устойчивые ассоциации лексем в русском, белорусском и польском языках. На основе количественных методов изучения ассоциаций, а также построенной автором математической модели анализа выявляются семантические и грамматические особенности устойчивых ассоциаций в исследуемых языках, существующие различия, обусловленные общественно-политическими, географическими, этническими и другими факторами. Делается вывод об общности ассоциативных навыков в трех родственных языках и вместе с тем выявляются специфические черты и особенности ассоциирования в каждом из них [Титова А. 1975].

Кросс-культурным исследованием определяет Н.В. Уфимцева свою работу, в которой на материале ассоциативных экспериментов исследуется «отражение тела человека как культурного предмета в языковом сознании носителей разных культур» [Уфимцева 1995: 59–60] и на основании этого выводятся характерные особенности их обыденного сознания.

В сопоставительном плане выполнена работа А.П. Василевича [Василевич 1987], в которой на базе психолингвистических экспериментов исследуются сходства и различия в семантике цветонаименований целой группы языков, представителей различных языковых семей, а также родственных и близкородственных языков. На основании этого автор выводит универсальную систему категорий цве-

тонаименований. Ценным в данной работе представляется словник цветонаименований, составленный по результатам сопоставительного анализа, а также четырехъязычный словарь терминов цвета, сделанный по разработанной автором методике.

Исследования Л.Н. Титовой и Ю.Е. Ульянова имеют выход в лексикографическую практику. На основе проведенных ассоциативных экспериментов с носителями русского и киргизского языков Л.Н. Титова составляет двуязычный ассоциативный словарь [Титова Л. 1975а], проводит сопоставление ассоциативных полей двух языков, рассматривает причины сходств и различий в структуре этих полей. Особо выделяются лингвистические причины для различий в ассоциировании (семантика стимула, грамматические свойства стимула, словообразовательные и фонетические факторы, особенности фразеологии сопоставляемых языков) [Титова Л. 1975б]. Экспериментальная работа Ю.Е. Ульянова с носителями русского и латышского языков явилась материалом для составления Латышско-русского ассоциативного словаря [Ульянов 1988].

Наше сопоставительное исследование результатов ассоциативных экспериментов с носителями русского языка и с носителями болгарского языка также характеризуется лексикографической направленностью. Непосредственное отношение к нему имеют работы М. Джановой и К. Андрейчиной.

Учитывая, во-первых, близкое родство русского и болгарского языков и, во-вторых, специфику речевой деятельности говорящего (пишущего) и слушающего (читающего), М. Джанонова особо выделяет тот факт, что для болгарина, изучающего русский язык, никакой трудности не представляет понимать русскую речь, особенно письменную, тогда как совсем по-другому обстоит дело в процессе говорения (письма). Именно в процессе порождения правильной русской речи болгарские учащиеся встречают большие затруднения [Джанонова 1967: 466]. Основным пафосом работы является идея о необходимости сопоставительного изучения сочетаемостных свойств слов русского и болгарского языков. К такому выводу автор приходит именно вследствие того, что для активного владения лексикой иностранного языка необходимо знать не только лексические

эквиваленты слова в соответствующем языке, но и его конкретные потенции для сочетания. В работе подчеркивается также, что результаты такого сопоставления должны быть зафиксированы в пособии, которое по своему характеру отличается, с одной стороны, от традиционных двуязычных словарей, а с другой, – от традиционного грамматического описания. Иными словами, автор обращает внимание на необходимость составления русско-болгарского словаря сочетаний [Джананова 1967: 469].

Исследование К. Андрейчиной имеет лингвометодическую направленность с выходом в лексикографию. В работе [Андрейчина 1977] обсуждается проблема создания национальной («болгарской») модификации лингвострановедческого словаря современного русского литературного языка. В связи с этим была разработана методика анализа лексических фонов слов двух близкородственных языков (болгарского и русского). Используя метод компарации, предусматривающий набор операций сличения, в ходе которого устанавливаются сходства и различия между единицами двух языков, К. Андрейчина подчеркивает, что проведенный ею анализ нельзя считать исчерпывающим и что «проблема компарации ассоциаций и сочетаемости разноязычных эквивалентных слов не должна ускользнуть от внимания будущего исследователя» [Андрейчина 1977: 18]. Именно задача такого плана стоит перед нами.

Характерной чертой сопоставительных исследований является разнообразие теорий, которые используются для решения их задач и достижения целей. «Практически нет ни одного лингвистического метода, ни одной современной языковедческой теории, которую не попытались бы поставить на службу сопоставительного изучения языка...» [Гак 1989: 12].

Теоретической базой нашей работы является теория языковой личности и ассоциативная грамматика[3], в частности идея модели двух слов[4]. На основе этого, а также опираясь на основные положения методики сопоставительного анализа лексики близкородственных языков, И. Червенковой[5] была разработана методика сопостави-

---

[3] См. [Караулов 1987], [Караулов 1993] и др. работы этого автора.

[4] См. об этом в [Караулов 1993: 5–19, 210–223].

[5] См. об этом в [Червенкова 2011] и в других работах этого автора.

тельного анализа данных свободных ассоциативных экспериментов, проведенных с носителями русского языка и с носителями болгарского языка.

Руководствуясь принципом, что любое исследование, особенно такое, которое имеет практическую направленность, должно завершаться предложением о представлении полученных результатов, обеспечивающем возможность их дальнейшего использования, мы пришли к выводу, что таким оптимумом является словарь[6].

В данной работе на конкретном материале демонстрируется микроструктура возможного русско-болгарского словаря ассоциативной сочетаемости[7].

Словарная статья (см. в конце данной работы) открывается заголовочной русско-болгарской парой слов, которые в свою очередь представлены в составе ассоциативных пар. Сначала приводятся фрагменты лексикона русской и болгарской языковых личностей. Информация упорядочена в результате проведенного сопоставительного анализа. В левой («русской») части подаются последовательно горизонтальными полосами зафиксированные в ходе ассоциативного эксперимента (и только они) модели, репрезентирующие какое-то одно, второе, третье и т.д. значения заголовочного слова, в правой («болгарской») части – зафиксированные (и только они) модели, репрезентирующие соответственно первое, второе, третье и т.д. значения его болгарского коррелята. В состав этих горизонтальных полос входит, кроме указанных частей, и средняя, в которой – уже другим способом – эксплицируется соответствующее значение. Она в сущности является метаязыковым выражением значения, которому соответствуют определенные естественноязыковые выражения этого же значения в «русской» и «болгарской» вертикально расположенных частях. В качестве экспликации значений выступают толкования.

---

[6] Ср. «…Возможность лексикографии, простота и исчерпываемость словарного описания, удобство пользования им обусловили стремление в современной описательной лингвистике к словарному представлению результатов исследования и всех других, помимо лексического, уровней языковой структуры, к «ословариванию» языкового описания» [Караулов 1981: 38].

[7] См. об отличиях предлагаемого типа двуязычного ассоциативного словаря по сравнению с существующими в [Липовска 1996].

Из рассматриваемой словарной статьи видно, что в первом и четвертом значениях наблюдается принципиальное сходство ассоциативной сочетаемости[8] р. ДЕРЕВЯННЫЙ и б. ДЪРВЕН. Почему принципиальное сходство? Потому что на уровне отдельного значения в этих случаях наблюдается совпадение, но на уровне моделей, репрезентирующих соответствующие значения, наблюдаются как совпадения, так и расхождения. Такие модели двух слов, как, например, р. ДЕРЕВЯННЫЙ *мост*, р. ДЕРЕВЯННЫЙ *столб*, р. ДЕРЕВЯННЫЙ *стул* и т.п. имеют свои соответствия в «болгарской» части в моделях б. ДЪРВЕН *мост*, б. ДЪРВЕН *стълб*, б. ДЪРВЕН *стол* и т.п., в то время как другие модели (ср. р. ДЕРЕВЯННЫЙ *город*, р. ДЕРЕВЯННЫЙ *дом* и т.п.) не находят своих соответствий. Эти расхождения, как представляется, можно объяснить, с одной стороны, разной частотой употребления в разных языковых общностях, а с другой, – экстралингвистическими факторами (напр., деревянные дома и тем более целые деревянные города для быта Болгарии не характерны).

Причиной отсутствия в «русской» части каких бы то ни было моделей, репрезентирующих четвертое значение, по всей вероятности, является разная частота употребления носителями русского языка этого переносного значения по сравнению с другими двумя. Вот почему при наличии возможности употребления р. *деревянный* в сочетаниях, выражающих то же значение, что и в приведенных моделях на болгарском языке (ср. р. *деревянная походка*, р. *деревянная поза* и т.п.), нет зафиксированных моделей.

Во втором и третьем значении наблюдаются расхождения, причина которых – в представлениях о бесчувственности и о тупости, находящих свое языковое выражение соответственно в р. *деревянный* [, т.е.] НЕЧУТКИЙ; р. ДЕРЕВЯННЫЙ *лоб*, р. *деревянный* [, т.е.] ПУСТОГОЛОВЫЙ и не соотносимых носителями болгарского языка с б. ДЪРВЕН, и это на фоне сходства в отношении соотнесенности как в русском, так и в болгарском языках рассматриваемых прилагательных с представлениями о скованности.

---

[8] См. об этом в [Липовска 1994: 9–11].

Во второй части словарной статьи – элементы тезауруса – сохраняется деление на «русскую», «болгарскую» и среднюю вертикально расположенные части, но изменен принцип подачи материала, что вызвано некоторыми особенностями последнего.

Во-первых, нужно иметь в виду, что данные о тезаурусе русской и соответственно болгарской языковой личности являются далеко не полными, так как материал свободных ассоциативных экспериментов, на базе которых мы строим наше исследование, не в состоянии предоставить такую достаточно полную информацию. Следовательно, в этой части статьи представлены лишь некоторые элементы тезауруса.

Во-вторых, в качестве элементов тезаурусного уровня языковой личности рассматриваются «такие единицы текста, с помощью которых говорящий/пишущий обозначает определенные – концептуальные (по функции) или ментальные (по природе) – структуры, отражающие его мировидение» [Караулов 1992: 42]. Следовательно, материал распределяется не по группам моделей, выражающих определенные значения, а в соответствии с определенными когнитивными структурами, находящими свое языковое выражение в зафиксированных данных. Поэтому и «метаязыковая» часть содержит не толкования. В ней даны воспринятые нами наименования рубрик (типичные сравнения, идиоматические выражения, типичные носители признака, типовая ситуация, наглядно-образные представления носителей языка, тематические группы, прецедентные тексты и др.). Как можно предположить, они не обязательно присутствуют в каждой словарной статье. Тут так же, как и в первой части словарной статьи, в репрезентации некоторых из выделенных рубрик наблюдаем принципиальное сходство (см. рубрики «тематическая группа «ДЕРЕВО» и «типичные носители признака»).

Нет зафиксированных данных в материале на болгарском языке в рубрике «наглядно-образные представления носителей языка». Предполагаемая причина отсутствия моделей, вероятно, опять же связана с тем, что дерево для Болгарии не является традиционным строительным материалом, как это наблюдается в России.

Расхождения наблюдаются в рубрике «идиоматические выражения», где б. ДЬРВЕН *философ*, б. ДЪРВЕН *господ* и б. ДЪРВЕН *материал* нуждаются в переводе и небольшом комментарии, так как

для носителей русского языка соответствующие образы не связаны в своем языковом выражении с прилагательным *деревянный*.

Рубрика «прецедентные тексты» представлена только в «русской» части словарной статьи, несущей информацию из области русской литературы. Стимул ДЕРЕВЯННЫЙ ассоциируется в сознании носителя русского языка с именем главного героя популярного произведения А.Н. Толстого «Золотой ключик, или приключения Буратино», а также с цитатой из произведения В.М. Шукшина «Калина красная». Закономерно отсутствие соответствующих реакций в болгарской части, так как в данном случае актуализирована информация из области русской культуры. Конечно, возможно появление каких-либо реакций, содержащих информацию из области болгарской культуры, но таких в ходе эксперимента не было зафиксировано, по всей вероятности потому, что в сознании носителя болгарского языка нет достаточно ярких примеров, активизирующихся при помощи стимула б. ДЪРВЕН.

Третья часть – элементы прагматикона – завершает словарную статью. К рубрике «субъективно-оценочное отношение носителей языка», единственно выраженной в рассматриваемой нами словарной статье, относятся все зафиксированные модели. И тут наблюдаем сходство, но при этом несколько богаче оказалась «болгарская» часть, где отмечается, что стимул б. ДЪРВЕН вызвал оценочные реакции: б. *лек*, *солиден*, *твърд*, *топъл*, *топлина* (ср.: в «русской» части только р. *твердый*).

Завершая описание структуры рассматриваемой словарной статьи, приведем слова Ю.Н. Караулова об отношении «к ассоциативной статье как к такому источнику наблюдений над языком, который содержит практически все возможности, отражает все потенции типовых реализаций соответствующего слова-стимула в речи» [Караулов 1993: 60–61].

Наш выбор именно этой словарной статьи был не случаен. Хотелось продемонстрировать на материале вроде бы «ничем не интересной» пары слов существование не только сходств, но и различий в ассоциативной сочетаемости. Тем самым приводится один из аргументов в пользу составления такого рода словаря. Он может быть полезен болгарам, изучающим русский язык; русским, изучающим

болгарский язык; преподавателям-практикам русского/болгарского языков как иностранного; лингвистам, психолингвистам, методистам, психологам, социологам и всем тем, кто занимается проблемами языка и языковой личности.

ЛИТЕРАТУРА

Андрейчина 1977 — Андрейчина К.Г. Вопросы учета национальной культуры учащихся при составлении лингвострановедческого учебного словаря. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Москва, 1977. 21 с.

Василевич 1987 — Василевич А.П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте. На материале цветообозначений в языках разных систем. Москва: Наука, 1987. 144 с.

Гак 1989 — Гак В.Г. О контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 25. Москва: Прогресс, 1989. С. 5–17.

Джананова 1967 — Джананова М. Задачи и структура на един българоруски речник на словосъчетанията със съществителни имена // Български език. 1967. № 5. С. 465–475.

Залевская 1979 — Залевская А.А. Межъязыковые сопоставления в психолингвистике. Калинин, 1979. 84 с.

Залевская 1980 — Залевская А.А. Психолингвистическое исследование принципов организации лексикона человека (на материале межъязыкового сопоставления результатов ассоциативных экспериментов). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Ленинград, 1980. 31 с.

Караулов 1981 — Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. Москва: Наука, 1981. 367 с.

Караулов 1987 — Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Москва: Наука, 1987. 264 с.

Караулов 1992 — Караулов Ю.Н. Некоторые наблюдения над русским языком зарубежья // La revue russe, 1992, n° 3, 31–54.

Караулов 1993 — Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. Москва: Русский язык, 1993. 330 с.

Караулов 1994 — Караулов Ю.Н. От структуры ассоциативного словаря к структуре языковой способности // Вестник

РУДН. Сер. Филология, журналистика. 1994. № 1. С. 15–26.

Липовска 1994 — Липовска А. Ассоциативная сочетаемость имен прилагательных и ее лексикографическое представление (на материале русского и болгарского языков). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва: РАН, 1994. 17 с.

Липовска 1996 — Липовска А. Двуязычный ассоциативный словарь – база данных для создания учебных пособий по иностранному языку (на материале прилагательных в русском и болгарском языках) // Вопросы лингвистики и лингводидактики. Материалы конференции МАПРЯЛ. Краков, 23–24 апреля 1996. Краков, 1996. С. 271–278.

Слама-Казаку 1984 — Слама-Казаку Т. Методика психолингвистического исследования при контрастивном анализе. Корпус языковых фактов, полученных в процессе обучения языку: корпус ошибок и их иерархия // Психолингвистика. Москва: Прогресс, 1984. С. 283–306.

Титова А. 1975 — Титова А.И. Устойчивые ассоциации лексем в некоторых славянских языках. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Минск: БГУ, 1975. 23 с.

Титова Л. 1975а — Титова Л.Н. Киргизско-русский ассоциативный словарь. Фрунзе: Мектеп, 1975. 95 с.

Титова Л. 1975б — Титова Л.Н. Свободный ассоциативный эксперимент. Ассоциативные словари // Методы изучения лексики (под ред. А.Е. Супруна). Минск: БГУ, 1975. С. 56–64.

Ульянов 1988 — Ульянов Ю.Е. Латышско-русский ассоциативный словарь. Рига: Зинатне, 1988. 185 с.

Уфимцева 1995 — Уфимцева Н.В. Этнические и культурные стереотипы: кросс-культурное исследование // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 54, № 3. Москва, 1995. С. 55–62.

Червенкова 2011 — Червенкова И. Сопоставительное исследование современной русской и болгарской лексики. София: Херон прес, 2011. 243 с.

Щерба 1931 — Щерба Л.В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Известия АН СССР. Ленинград, 1931. С. 18–36.

* * *

9 **[S] ДЕРЕВЯННЫЙ – [R]**
[S] – деревянный [R]

–

[S] ДЪРВЕН – [R]
[S] – дървен [R]

А. ФРАГМЕНТЫ ЛЕКСИКОНА

ДЕРЕВЯННЫЙ башмак, брусок, город, дом(9), конь(4), ларец, мост, пол(4), подовик, предмет, солдатик, стол(12+3), столб(2), стул(4), тротуар, шкаф

деревянный КАРАНДАШ, МОЛОТОК

деревянная ДВЕРЬ(3), КРОВЛЯ, ЛЕСТНИЦА, НОГА, ПОЛКА(4), ПУГОВИЦА

деревянное СВЕРЛО

ДЕРЕВЯННЫЙ [, *т.е.*] {из} дерев{а}(2)

ДЕРЕВЯННЫЙ [*? - да,*] дубовый(3)

ДЕРЕВЯННЫЙ [*? - нет,*] **железный**(2), каменный, оловянный(13), стеклянный(3)

ДЕРЕВЯННЫЙ [*? - да,*] **{из} дуб{а}**

ДЕРЕВЯННЫЙ [*? - нет,*]**{из} стекл{а}**

острый ДЕРЕВЯННЫЙ [нож, ...]

ПОСТОЯННЫЙ деревянный [забор, ...]

1. Х такой, который сделан из дерева

ДЪРВЕН гардероб, идол, кивот, ковчег(3), кон(2), крак, креват, кръст, мост(4+4), нож(2), под, скрин, стол(9), стълб, чеп(2), черпак, чин, чук, шиник

ДЪРВЕН{А} гривна, капандура, кутийка, къща, маска(2), ограда, пейка, рамка, шамандура

дървена ВРАТА, РЪКА

ДЪРВЕН{О} клепало

ДЪРВЕН [, *т.е.*] от дърво

ДЪРВЕН [*? - да,*] дървен

естествен, истински **[*? - да,*]** ДЪРВЕН

ДЪРВЕН [*? - не,*] железен(3+1), меден, метален

ДЪРВЕН [*? - да,*] **от дъб**

ДЪРВЕН [*? - не,*] **от кост**, от стомана

кафяв ДЪРВЕН [гардероб, ...]

9	[S] ДЕРЕВЯННЫЙ – [R] [S] – деревянный [R]	–	[S] ДЪРВЕН – [R] [S] – дървен [R]

ДЕРЕВЯННЫЙ [, *т.е.*] **НЕЧУТКИЙ**	2. X такой, чувствительность которого меньше нормы, и это плохо	**БЕЗЧУВСТВЕН [като дърво]**
ДЕРЕВЯННЫЙ лоб(3) /ср. б. *празна глава*/ **деревянный [, *т.е.*]** **ПУСТОГОЛОВЫЙ**	3. X такой, умственные качества которого меньше нормы, и это плохо	**КУХ [като прогнил пън]**
	4. X такой, подвижность которого меньше нормы, и это плохо	**ДЪРВЕН** [, ***защото е***]**{с}** костюм

Б. ЭЛЕМЕНТЫ ТЕЗАУРУСА

ДЕРЕВЯННЫЙ лоб(3) /ср. б. *празна глава*/	идиоматические выражения	**ДЪРВЕН философ**(5+11) /о человеке, который с очень важным видом и очень долго говорит о чем-то неопределенном/ /ср. р. *горе-философ*/ **ДЪРВЕН господ** */(разг.)* наказание битьем/ /ср. р. *березовая каша, палки, розги, взбучка*/ **ДЪРВЕН материал**(6+6) /ср. р. *лес, деревянный строительный материал*/
ДЕРЕВНЯ [-*это*] деревянные дома /дерево – традиционный строительный материал в русской деревне/	наглядно-образные представления носителей языка	

9	**[S] ДЕРЕВЯННЫЙ – [R]** **[S] – деревянный [R]**	–	**[S] ДЪРВЕН – [R]** **[S] – дървен [R]**

ДЕРЕВЯННЫЙ [*?* **-] дерево**, доска	типичные носители признака	**ДЪРВЕН [***?* **-] дърво**(2), дъска, прът, пън, кютук
ДЕРЕВЯННЫЙ [*?* **-] дерево**, дуб, лист, лесной	тематическая группа «ДЕРЕВО»	**ДЪРВЕН [***?* **-] дърво(**2), корен, листо, легнало дърво, дъб
ДЕРЕВЯННЫЙ [*?* **-] Буратино** /имя героя произведения А.Н. Толстого «Золотой ключик, или приключения Буратино» / **Здравствуй, дерево!** /цитата из произведения В.М. Шукшина «Калина красная» /	прецедентные тексты	

В. ЭЛЕМЕНТЫ ПРАГМАТИКОНА

ДЕРЕВЯННЫЙ [***, поэтому***] **твердый**	субъективно-оценочное отношение носителей языка	**ДЪРВЕН** [***, затова е***] **лек**, солиден, твърд(2), топъл